

И. В. САБЕННИКОВА

**ДИАСПОРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ:
ТИПОЛОГИЯ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ¹**

**DIASPORAS OF RUSSIAN EMIGRATION:
TYPOLOGY AND LEGAL STATUS**

This article is devoted to the diasporas created by Russian emigration between 1917–1939 in four regions: Central Europe, the Slavic countries, the territories bordering on Russia and in China. Russian post-revolutionary emigration was a large-scale social phenomenon that arose as a result of a global social catastrophe and turned 2 million people into refugees. These emigrés, who dispersed across almost all the countries of the world, represented various social groups and cultural strata of the old Russian society. The revolution of 1917, the civil war that followed it and the establishment of the Soviet regime split the world into opposing social political systems. The struggle between these systems then determined the entire logic of the historical development of the 20th century, and in a sense, our modern picture of the world. Russian emigration, finding itself between these two systems, was at the epicenter of events. It has formed a special cultural type associated with the desire to preserve an idea of the world that has already ceased to exist as a reality but has been preserved in social memory, religious values, cultural traditions, literary works, and language. The differences between the Russian diasporas in the four main geographic regions were determined by the political regimes established in their countries of residence whether democratic, authoritarian or totalitarian and also by legislation then in force controlling citizenship, religion and cultural traditions. The process of integration of Russian refugees into the various socio-cultural conditions of European countries and China in the interwar period went through several stages and was basically completed by 1939, when most of the emigrants lost their last hope of returning to their homeland, and the outbreak of World War II led to the liquidation of the Russian diaspora as a whole.

Keywords: diasporas, Russian emigration, revolution, refugees, Russian Diaspora

Irina V. Sabennikova – Dr. of Sci. (History), All-Russian Scientific Research Institute of Records Management and Archival Science (VNIIDAD), Moscow, Russia. E-mail: sabennikova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>

¹ *Citation:* I. V. SABENNİKOVA, “Diaspory russkoi emigratsii: tipologii i pravovoe polozenie” [Diasporas of Russian Emigration: Typology and Legal Status], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 95-112. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.4

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к диаспоре, созданной русской эмиграцией 1917–1939 гг, как самостоятельному объекту исследования объясняется уникальностью этого явления в истории Европы новейшего времени. Большинству ее представителей по объективным причинам не удалось вернуться в Россию. В связи с этим ее функционирование, интеграция и социокультурная адаптация в инокультурной среде, может рассматриваться как своего рода чистый социальный эксперимент.

На примере русской постреволюционной эмиграции, создавшей в межвоенный период четыре отличных между собой типа русских диаспор, как на территории Евроазиатского континента, так и на Дальнем Востоке, можно проследить вариативность взаимоотношения культур – самой эмиграции и принимающей страны, определяемую степенью различия в экономическом положении, религией, политическими режимами принимающих государств, культурной традицией и тем, в каком качестве находились на их территории русские – в качестве политических беженцев или национальных меньшинств.

Русская эмиграция межвоенного периода была совершенно новым типом эмиграции, характерным именно для периода новейшего времени. В статье выявляются и конкретизируются наиболее существенные черты этого уникального феномена, представляющего собой массовую антитоталитаристскую эмиграцию, что позволяет отделить его от других эмигрантских движений в истории и современности.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

До начала XX в. русские проживавшие за пределами России были представлены преимущественно группами старообрядцев, еще в XVIII в. поселившимися на территории Австро-Венгрии (на Буковине), в Османской империи и Румынии (в Добрудже). Эта эмиграция незначительной части населения с территории страны носила выраженную конфессиональную направленность. Другая волна русской эмиграции в конце XIX – начале XX в. была направлена в страны Северной и Южной Америки и имела экономический характер. К 1917 г. в этих странах насчитывалось около 200 тыс. граждан Российской империи. В 1920 г.

в США было зарегистрировано 732 тыс. человек, которые отнесли себя к русским (0,7% населения страны)².

Согласно демографическим данным, к 1920 г. за пределами тогдашних границ России проживали 1,1 млн. лиц, причислявших себя к русским.³ А также 1,5–2 млн. беженцев из России, на 95,5% состоявших из этнических русских. Именно постреволюционные беженцы создали полноценную русскую диаспору – Русское Зарубежье, включая в сферу своего влияния и русское этническое меньшинство, проживающее за границей. Зарубежная Россия складывалась из больших или меньших русских диаспор в Центральной Европе, славянских и приграничных с Россией странах, Китае, из отдельных граждан, стремящихся сохранить свою духовную связь с прежней родиной.

Говорить о существовании полноценной русской диаспоры в межвоенный период можно основываясь на определяющих признаках диаспоры, позволяющих отличить ее от этнической группы как таковой. К ним относится проживание этнической общности вне пределов исторической родины в иной этнической среде, наличие общности языка, культуры и исторического сознания; организационные структуры, направленные на поддержание ее жизнедеятельности как единого организма и определяющие ее способность к самоорганизации и самосохранению. Один из основных признаков диаспоры – социальная защита своих членов: помощь в трудоустройстве, образовании, правовая защита в рамках законодательств тех стран, где они проживают.

Диаспора складывается лишь в том случае, когда объективная способность сообщества к самоорганизации совпадает с субъективными особенностями, такими как историческое сознание, религия, национальная идея и др. Основными функциями диаспор являются – сохранение национального самосознания и культурно-просветительская, которые во многом пересекаются: издание литературы на родном языке, создание национальных школ, поддержание языка. Наиболее активно действующими могут при этом оказаться религиозные организации или выполнение политических функций. Длительность существования диаспоры в истории зависит от факторов, ставших изначально причиной ее возникновения: демографических, территориальных, эконо-

2 В. Кабузан, *Русские в мире. Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа* (СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996), 351.

3 *Население России за 100 лет (1897–1997)* (М.: Госкомстат России, 1998), 222.

мических, политических, этнокультурных и др. Диаспоры первой половины XX в., вызванные политическими причинами (русская, немецкая, испанская, итальянская) существовали несколько десятилетий и исчезли в результате ликвидации породивших их причин и ассимиляционного воздействия стран, в которых они проживали.

Создание русской диаспоры за рубежом стало возможным, поскольку почти одновременно за пределами России оказалось значительное число деятельных, образованных граждан, ставших беженцами в результате Октябрьского переворота. Политические перевороты принуждают к эмиграции как правило лиц, непосредственно причастных к свергнутому режиму, обычно близких между собой по социальному происхождению и политической ориентации. Российская эмиграция была исключением. Среди людей, эмигрировавших после октября 1917 г. из России, были представители практически всех прежних классов и сословий. Политические взгляды беженцев также были неоднородны и отражали полный спектр политической жизни революционной России. В единый социум, получивший название Зарубежной России или Русского Зарубежья их объединяло упорное притяжение к России, осознание себя частью России в изгнании. Идея возвращения на родину являлась своеобразным стержнем, сплотившим все русское сообщество в нечто целое, вне зависимости от географии его места нахождения. Та же идея продолжительное время препятствовала ассимиляции русских и их натурализации. Значительный процент интеллигенции в составе русских беженцев, посвятившей годы изгнания сохранению русской культуры, позволил русскому этническому сообществу не только физически сохраниться, но сохранить и развить свою национальную культуру.⁴

О русской эмиграции межвоенного периода часто говорят как о своего рода государстве, созданном на территории межвоенной Европы и имеющим не только своих граждан (более 2-х млн. беженцев, статус которых был подтвержден идентификационными документами – нансеновскими паспортами), но и свои политические, социальные, образовательные и культурные институты и структуры, государстве, имеющему единую образовательную и социальную политику⁵. Последнее верно только отчасти.

4 М. RAEFF, *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939* (New York: Oxford, 1990), 239.

5 И. В. САБЕННИКОВА, В. Л. ГЕНТШКЕ, А. С. ЛОВЦОВ, *Архивные материи Российского зарубежья. Тенденции и направления изучения. Аннотированный указатель* (М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015), 427. <https://doi.org/10.23681/279329>

Гендерный состав эмиграции

Русская эмиграция существенно отличалась от своего окружения в странах расселения и России в целом с точки зрения возрастной структуры. Специфика возрастного состава русских беженцев состояла прежде всего в преобладании возрастной группы от 25 до 45 лет (65–70% всех беженцев), в два раза превышая по численности эту возрастную группу как в дореволюционной (34%), так и в Советской (38%) России. Процент детей и молодежи до 20 лет (18–25%) был значительно ниже как общеевропейского, так и российского (45–49%), как и лиц старше 60 лет. Возрастная группа от 45 до 60 лет в эмиграции в процентном соотношении была сопоставима с другими странами. Ситуация с течением времени естественным образом менялась в сторону сокращения детской группы за счет взросления детей и низкой рождаемости среди эмигрантов, а также специфики гендерного состава эмиграции в целом, выраженной в значительном дисбалансе в сторону мужской части эмиграции и, соответственно, браков с иностранками.⁶ Неоднородность состава русской эмиграции объясняется причинами, вынудившими людей покинуть свою страну. Теми же причинами объясняется гендерный состав эмиграции с преобладанием в ее составе мужчин активного возраста, что одновременно позволяет рассматривать ее и как трудовую эмиграцию.

Образовательный уровень

Согласно имеющимся исследованиям, русские беженцы имели высокий образовательный уровень (2–3% неграмотных), что особенно показательно в сравнении с дореволюционной Россией (в 1897 г. в городах было 54,7% неграмотных) и даже с СССР 1937 г. (39%). Сравнение образовательного уровня эмиграции с населением большинства Европейских стран, где в среднем 50–55% было неграмотно, также говорит в пользу беженцев. Обследования русских беженцев в Константинополе начала 20-х гг. выявили, что около 70% из них владели минимум одним иностранным языком.⁷

6 М. Йованович, *Русская эмиграция на Балканах 1920–1940* (М.: Русский путь, 2005), 141.

7 *Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. Сб. статей.* (М.: ИВИ РАН, 1999), 327.

Профессиональная структура и занятость

Численное соотношение между различными квалификациями русских беженцев международными организациями практически не учитывалось. Сведения по этому вопросу собирались исключительно русскими общественными организациями, главным образом Бюро труда, организованными Земгором. Бюро труда регистрировали обратившихся за трудовой помощью беженцев, однако регистрация в разных странах велась по разным схемам, и число обратившихся в различные отделения Бюро было неодинаковым, что не позволяет сделать каких-либо однозначных выводов. Можно составить лишь приблизительное соотношение различных сфер трудовой деятельности, согласно которому лиц, занимающихся трудом промышленных рабочих и ремесленников, было 23% от общего числа учтенных, сельскохозяйственным трудом – 41%, интеллигентов, занимающихся физическим трудом, – 31% и работающих по интеллигентным специальностям – 5%. Таким образом, предположительно 90% русских эмигрантов занималось физическим трудом, в то время как от 40 до 50% русских беженцев до отъезда из России занимались интеллектуальным трудом, что создавало сложную в психологическом плане ситуацию⁸.

Материальное положение беженцев

Для начального периода пребывания русских беженцев за границей была характерна значительная безработица и, как следствие, тяжелое материальное положение. Сложное материальное положение сохранялось практически у половины русских беженцев весь межвоенный период – т. е. все существование русской диаспоры. Невозможность для беженцев найти адекватную их специальности и квалификации работу значительно ослабляло и адаптационные процессы.

Создание правового статуса русской эмиграции

С точки зрения международного права, вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования и после его складывания, т. е. до первой мировой войны и после нее. Вторым этапом было создание Лиги Наций и третьим – ООН.

⁸ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 89. Л. 8.

Поэтому существенным фактором, определяющим статус различных частей российской эмиграции, является международно-правовое и внутренне государственное регулирование положения диаспор в разных странах. Регулирование статуса эмиграции внутренним государственным правом включает прежде всего положение меньшинств и законы о предоставлении гражданства.

В сравнении с эмигрантами из других стран межвоенного периода, русские беженцы находились в более тяжелом правовом и социальном положении, что объяснялось статусом апатридов, в котором они оказались после смены политического режима. Согласно декрету ВЦИК от 15 декабря 1921 г., все граждане, покинувшие Россию после 7 ноября 1917 г., участвовавшие в вооруженной борьбе против советской власти и проживающие за границей в течение пяти лет безвыездно, автоматически лишались прав гражданства⁹. В результате русские эмигранты оказались в своеобразном правовом вакууме: они перестали быть гражданами России, но не стали гражданами каких-либо других стран, что проявилось в отсутствии у них конституционных прав и свобод, таких как свобода слова, печати, вступления в профсоюзы, свобода передвижения и другие, которые имели эмигранты из других стран.

Процесс натурализации в европейских странах был длительным и сложным и, поскольку русские беженцы оказались первой массовой эмиграцией в XX в., его механизмы не были отлажены. Признание Советского Союза странами, где проживало наибольшее число русских постреволюционных беженцев – в 1922 г. Германией, в 1924 г. Францией, а позже Болгарией, Чехословакией и Югославией, еще более ухудшило положение русских эмигрантов, поскольку они лишались всякого официального представительства и правовой защиты в странах их пребывания. Советские посольства такой защиты им не предоставляли. Тем не менее, оказавшиеся в столь сложной ситуации, эмигрантские общественные организации добились того, что прежние дипломатические представительства выполняли для беженцев необходимые функции социального и правового характера.

Вопрос о правовом положении русских беженцев неоднократно вносился Российским Земско-Городским комитетом в Лигу Наций. В июне 1928 г. Лигой Наций была принята конвенция, вводившая для всех русских беженцев «нансеновского сертификата», поддержанная

9 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15.12.1921 «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей», Собрание узаконений и распоряжений РСФСР, no. 1 (1922), Ст. 11.

большинством стран, входивших в эту международную организацию. Данный факт значительно облегчал беженцам возможность передвижения с целью трудоустройства. Нансеновский паспорт предоставлял русским беженцам определенный юридический статус, определявший их положение перед законом и дававший возможность судебной и иной защиты их прав. Согласно декларации Лиги Наций (подписанной в 1928 г. и возобновленной в 1931 г.), страны, признавшие нансеновский паспорт действительным документом, брали под свою юридическую защиту их владельцев, обязуясь предоставлять им вид на жительство и трудоустройство на льготных условиях в сравнении с другими эмигрантами. На практике большинство стран игнорировало соглашения о юридическом статусе беженцев. По мнению Набокова, иметь нансеновский паспорт значило то же самое, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорожденным¹⁰. Вопрос о натурализации русских также не мог быть решен однозначно как со стороны европейских стран, не знавших такой практики ранее, так и со стороны самих эмигрантов, не желающих ассимиляции и денационализации.

Не смотря на все трудности, русская постреволюционная эмиграция проявила уникальную способность к самоорганизации. Практически с самого начала русская диаспора приобрела определенную организационную структуру, объединяющую все ее разрозненные по разным странам части. Бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений, Земгор и некоторые другие общественные организации стали продолжением и развитием в условиях эмиграции прежнего земского самоуправления, сложилась сеть профессиональных организаций, высших и средних учебных заведений, бюро труда, издательских структур, архивов, музеев и библиотек. Активно действовали политические партии и объединения. Создание единого идентификационного документа – “нансеновского” паспорта, подтверждало их принадлежность к Русскому Зарубежью.

Социальная политика

Социальная политика русской эмиграции, не могла быть самостоятельной, базируясь на тех скромных финансовых ресурсах, которые выделялись на обеспечение осуществляемых ею мероприятий. Содержание социальной политики исчерпывалось чисто социальными решениями

10 В. В. НАБОКОВ, *Другие берега* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954), 236.

и мероприятиями, связанными с поддержкой наиболее незащищенных слоев эмигрантского общества: детей, престарелых, инвалидов, в определенных условиях – некоторых трудоспособных членов сообщества, а также обеспечением некоммерческой части социально-культурной сферы, с целью сохранения национальных культурных традиций и языка. Русское эмигрантское сообщество сознательно воспитывало новое поколение русских европейцев в традициях русской культуры, надеясь, что в случае возвращения эмиграции в Россию после падения большевистского режима, они смогут возглавить построение нового общества.

Система общественных организаций эмиграции, в сферу деятельности которых были вовлечены русские беженцы, существовала на остаточные средства прежнего царского правительства или на средства государств, в силу тех или иных обстоятельств, поддерживающих эмиграцию и заинтересованных в контроле над ее деятельностью. Деятельность русских общественных организаций в эмиграции была направлена на поддержание беженцев в физическом, экономическом, моральном плане и создание для них возможности постепенной адаптации в новых условиях эмиграции, защите от денационализации и маргинализации.

Русская эмиграция, раздробленная территориально, была подвержена внутренним миграционным процессам в силу неразрешенности многих правовых вопросов и экономических проблем, присущих Европе межвоенного периода. Русские беженцы, где бы они не находились, считали себя скорее частью Зарубежной России, чем частью сообщества тех стран, в которых проживали и потому достаточно легко меняли место жительства.

ГЕОГРАФИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Способности эмиграции принять на цивилизационном уровне культуру страны проживания зависит от целей, которые она ставит перед собой. На примере русской постреволюционной эмиграции можно проследить неоднозначность и вариативность взаимоотношения культуры эмиграции и культуры принимающей страны. В географии расселения русских беженцев в период 1917–1939 гг., четко выделяются четыре наиболее крупных и цельных типа русских диаспор на территории Евроазиатского континента: страны Центральной Европы, прежде всего Германия, Франция, Италия; славянские государства – Ко-

ролевство С.Х.С. (Югославия), Болгария и Чехословакия; приграничные России или лимитрофные государства – Польша, Финляндия, Румыния, Прибалтийские страны; Китай, главным образом Харбин и Шанхай. Различия в условиях существования русских диаспор на территориях этих регионов объяснялись различиями в экономическом положении, религией, политическими режимами этих государств, культурной традицией и тем, в каком качестве находились на их территории русские – в качестве политических беженцев или национальных меньшинств.

Наибольшее число русских эмигрантов в 1920–1924 гг. сосредотачивалась в странах Центральной Европы. По некоторым данным, к осени 1920 г. их численность в Германии, могла составлять 560 тыс. человек, включая тех, кто следовал транзитом в другие страны и военнопленных, ожидающих репатриации в Россию. К весне 1921 г., по мнению исследователя русской эмиграции в Германии Р.С. Вильямса, общее число русских там снизилось до 300 тыс., начиная с 1923 г. (с момента стабилизации немецкой экономики) число русских эмигрантов в Германии постоянно снижалось и к 1930 г. составило около 100 тыс.¹¹.

С 1924 г. наиболее массовым местом проживания русской эмиграции становится Франция, прежде всего Париж, где по данным МВД Франции уже в 1921 г. в департаменте Сены было зарегистрировано 38 982 русских эмигранта¹², а также другие крупные промышленные города и французские колонии. Общее число русских эмигрантов во Франции после 1924 г. составляло 400–450 тыс.¹³, что объяснялось либерализацией визового режима для русских беженцев из-за нехватки промышленных и сельскохозяйственных рабочих в результате значительных человеческих потерь Франции в Первой мировой войне. Русская диаспора во Франции в межвоенный период была наибольшей по численности и наиболее представительной по составу.

В то же время политическая обстановка в Италии 20-х гг. не была благоприятна для русской постреволюционной эмиграции, которая в межвоенный период была в этой стране незначительной по численности и слабой в организационном плане¹⁴. В 1924 г. Муссолини устано-

11 R. C. WILLIAMS, *Culture in exile. Russian Emigres in Germany, 1881–1941* (New York: Cornell University Press, 1972), 404.

12 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

13 Данные Межправительственной конференции по беженским делам, состоявшейся в Женеве 11–12 мая 1926 г. ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.

14 М. Г. ТАЛАЛАЙ, «Русская церковь во Флоренции как «петербургский памятник», *Невский архив*, no. 2. (М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1995): 447–453.

вил дипломатические отношения с СССР, а в 1926 г. в стране были запрещены все оппозиционные партии и издания и установлена фашистская диктатура. Экономическое положение Италии также не являлось стабильным.

В политическом плане либеральные режимы центрально европейских государств межвоенного периода значительно больше поддерживали русскую диаспору, оказывая не только моральную, но и материальную помощь русским институтам, школам, отдельным представителям науки и культуры. Русский язык был либо основным языком преподавания там, где обучались русские учащиеся, либо преподавался как обязательный иностранный язык, что вело не только к сохранению русской культуры внутри диаспоры, но и к воспитанию русской молодежи в традициях двух культур, а для многих французов открывало Россию, главным образом через театр, музыку, литературу. Этим объясняется, что русские беженцы к началу второй мировой войны в большинстве своем (прежде всего молодежь) натурализовались.

Славянские страны – Чехословакия, Болгария, Югославия были одной из наиболее значимых территорий по размещению русской межвоенной эмиграции, хотя количество русских беженцев здесь, главным образом в Королевстве СХС и Болгарии, не превышало 10% всех русских беженцев. К 1923–1924 гг. в Чехословакии проживало 22 100 русских беженцев, в Югославии в 1923 г. было зарегистрировано более 30 тыс. беженцев, а в Болгарии число русских эмигрантов составляло 30–35 тыс. человек. Около 70% всех беженцев были трудоспособны и в Югославии и Болгарии представлены в значительной степени бывшими военными армии барона Врангеля. Неработоспособная часть эмиграции – дети, старики, инвалиды и т. д., составляли около трети от общего числа беженцев¹⁵. Культурный уровень российских беженцев был значительно выше среднего культурного уровня населения славянских стран.

В более трудном положении находились русские беженцы в приграничных государствах: Румынии, Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, возникших в результате изменения границ после Первой мировой войны и распада Российской империи. После Октябрьской революции во вновь создавшихся государствах установились национальные правительства, проводившие жесткую националистическую политику в отношении национальных меньшинств, в том числе и русского. В Бессарабии, присоединенной к Румынии, к 1923 г. рус-

15 М. Јовановин, *Досельаванье русских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*, 225–227.

ская часть населения составляла абсолютное большинство – 1 270 400 за счет прежде проживающих на этой территории русских и 20 тыс. беженцев.¹⁶ В Польше беженцев было около 100 тыс. человек, значительную часть их составляли бывшие военнослужащие русской армии Пермикина и Болаховича. В Финляндии к 1928 г., по данным правительства, проживало 14 314 беженцев¹⁷ (по данным Земгора – 30 тыс.).¹⁸ Среди беженцев преобладали политические деятели и военные.¹⁹

Процентное соотношение русскоязычного населения лимитрофных стран к общему их населению было весьма значительно: в Латвии – около 10%, в Эстонии – 4,2%, в Литве – 5,9%. В Бессарабии – 47%, в Польше – 20%. Вместе с тем необходимо констатировать незначительную общественную активность русских диаспор этих регионов, что объясняется как целенаправленной политикой подавления такой активности со стороны новых национальных режимов и принятием всевозможных ограничительных законов (запрет на преподавание на русском языке, издание и ввоз русскоязычной литературы, запрещение общественных и политических эмигрантских организаций и т.д.), так и незначительной, в сравнении с другими европейскими странами, культурной элитой, результатом чего было небольшое число русских периодических изданий, слабость русской образовательной системы и общественных организаций. Все это вело к тому, что многие эмигранты, особенно молодежь, стремящаяся получить образование, переезжали в другие страны с более либеральным политическим режимом.

Русская диаспора на Дальнем Востоке, главным образом в Харбине, как административном центре КВЖД и Шанхае отличалась от русских диаспор в европейских странах. Русская дальневосточная эмиграция по численности была довольно значительной. По некоторым данным, к 1923 г. в полосе отчуждения КВЖД находилось до 400 тыс. русских, из которых не менее половины были беженцами, другая часть – служащими КВЖД, постоянно проживающими в этом регионе. Отличие дальневосточной диаспоры объясняется прежде всего спецификой ее положения – цивилизационно чуждым окружением (различиями в области языка, культуры, религии) и оторванностью от других центров эмиграции. Результатом такого положения стала ее замкнутость – отсутствие

16 ГАРФ. Ф. 5775. Оп. 1. Д. 257. Л. 116.

17 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

18 Отчет о деятельности Российского Земско-городского комитета..., 48.

19 NATALIA BASHMAKOVA, MARJA LEINONEN, "From the history and life of Russians in Finland", *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki*, no.VII (1990): 12.

ассимиляции русских беженцев в чужеродную культурную среду и минимальный процент натурализации. Подавляющее большинство членов дальневосточной диаспоры после Второй мировой войны повторно эмигрировало в США и Австралию или вернулось в СССР.

Русские диаспоры межвоенного периода, возникшие как в результате беженства из России, так и передела границ ряда государств (Польши, Финляндии, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии) и аннулирования государственно-правовых договоров (Полоса отчуждения КВЖД) являясь составными частями Российского Зарубежья, тем не менее отличаются друг от друга. Это позволяет на их примере проследить зависимость адаптационных процессов от схожести или различия цивилизационных и культурных параметров²⁰.

МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

При рассмотрении процесса адаптации русской эмиграции наиболее существенными являются две группы факторов – факторы, определяемые общими условиями культурной среды, в которой находится эмиграция и особенности функционирования самой диаспоры – ее внутренняя организация и целеполагающие установки в отношении ее окружения. Соответственно на практике существует три ситуации: когда культурная среда (первая группа факторов) остается неизменной, а инфраструктура диаспоры (или вторая группа факторов) изменяется; обратная ситуация – когда меняется первая группа факторов, а вторая не меняется и, наконец, когда меняются обе группы факторов. В отношении русской постреволюционной эмиграции первая модель адаптации характерна для славянских стран, вторая – для Центральной Европы и Дальнего Востока, а третья – для приграничных государств.

Первая модель адаптации с мало изменяющейся культурной средой и меняющейся инфраструктурой диаспоры наблюдается у русской эмиграции в славянских странах. Сходство языка, религии, общность цивилизационных исторических тенденций, финансовая и правовая помощь правительств этих государств делали адаптацию русских беженцев менее болезненной, чем в других регионах, что способство-

20 См. Подробнее: И. В. САБЕННИКОВА, *Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование*. 2-е изд. (М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015), 551. <https://doi.org/10.23681/428589>

вало более активному участию эмигрантов в жизни этих стран. Натурализация русских беженцев в славянских странах была значительно выше, чем в Центральной Европе и лимитрофных государствах.

Ситуация, когда меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной, характерна в наибольшей степени для русской эмиграции в Китае – страна претерпела революцию, японское вторжение, а эмиграция оставалась без изменений. Сопоставление данной ситуации (модель, при которой меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной) с российской эмиграцией в Китае выявляет основную причину неизменности самой русской эмиграции – отсутствие возможности культурного обмена со страной своего происхождения. Эта взаимосвязь с русской культурой осуществлялась опосредованно – через создание русской школы, сохранение и культивирование национальных обычаев, выпуска русскоязычных изданий и культурных контактов с русскими диаспорами в Европе. Абсолютная замкнутость русской эмиграции в Китае препятствовала ей стать частью китайского общества, превратив ее в нестабильный анклав и привело к тому, что после Второй мировой войны русская диаспора в Китае перестала существовать, вынужденная либо вернуться в СССР, либо повторно эмигрировать в США и Австралию.

Другой пример аналогичной ситуации – положение консервативной части русской эмиграции в Италии и Германии, которое, независимо от нее, улучшилось при изменении политических, социальных и культурных условий этих стран. В начале 1920-х гг., когда русские беженцы прибыли в Италию, они не имели поддержки общества, где сильны были социалистические идеи и идеализация нового советского строя. В конце 1920-х гг. русская эмиграция воспринимается тем же обществом уже как страдальческий элемент. Причиной чему является не сама эмиграция, состав которой не изменился, а смена политических режимов в этих странах и действия советского правительства, вызвавшие охлаждение европейского общества.

Третья модель, когда меняется одновременно и культурная среда и эмиграция, представлена приграничными с Россией государствами, поскольку политическая и культурная ситуация в регионе зависела от воздействия великих держав и проводимой ими политики по переустройству мира. Сама эмиграция внутри этих новосозданных государств испытывала дискомфорт и стремилась к радикальному изменению своего положения. Специфика положения русского населения в этих регионах состояла в том, что после образования новых нацио-

нальных государств русское население превратилось в национальное меньшинство, юридическое состояние которого не было определено специальными законами о национальных меньшинствах. Это приводило к многочисленным нарушениям прав русских в приграничных странах и к определенной политике их ассимиляции и денационализации путем ликвидации русских школ, запрещения публикации или ввоза русских учебников и литературы, ограничения применения русского языка в общественной жизни. Все это делало положение русской диаспоры в приграничных странах еще более тяжелым чем в славянских или западноевропейских странах.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

При сравнении русской постреволюционной эмиграции с другими эмиграциями того же периода, носящими экономический характер, мы так же видим определенные черты сходства и различия. При идентичной культурной среде пребывания отличия проявлялись в целеполагающих установках, что определялось причинами иммиграции и мотивами культурной деятельности эмигрантов. Если для экономической эмиграции главной целью становилась скорейшая ассимиляция и натурализация в другом обществе, которое они предпочитали своему, российская эмиграция стремилась именно к сохранению своего общества в чужеродной среде, ставя целью возвращение в Россию. Поэтому, при внешнем сходстве ряда атрибутов двух эмиграций (национальная школа, литература на национальных языках, роль религии), их функционирование оказывается весьма различным в одних и тех же странах.

Диаспоры, созданные этими эмиграциями, различались по политической структуре: диаспоры, возникшие в результате гражданских войн и революций, переносили в эмиграцию всю структуру своего гражданского общества, в то время как диаспоры, носящие другой характер, не имели такой четкой структуры. Различен был гендерный и профессиональный состав эмиграции: эмиграция, возникшая в результате войн и революций, состояла преимущественно из мужчин молодого и среднего возраста, имеющих военные специальности, экономическая эмиграция, например, в США, включала переселение целых семей. Важным критерием является процент интеллектуальной элиты нации (ученые, писатели, художники). От величины этого процента зависит возможность самоидентификации эмиграции в целом

в новых культурных условиях и социокультурная адаптация. Парадоксальным образом лучше ассимилируются те группы эмигрантов, которые не имели большого процента интеллектуальной элиты. Исторические примеры показывают высокую степень адаптированности простых рабочих в отличие от интеллектуалов, что связано с их направленностью на культурную дисперсию, в то время как интеллигенция больше была нацелена на сохранение культурной гомогенности и модели культурного плюрализма.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП

Русская эмиграция межвоенного периода стала новым типом эмиграции новейшего времени – массовой антитоталитаристской эмиграцией. Определение ее как массовой антитоталитаристской эмиграции позволяет конкретизировать существенные черты этого уникального феномена, по существу, отсутствовавшего до эпохи новейшего времени, а с другой стороны, отделить его от эмигрантских движений в истории и современности, связанных с перемещением населения под влиянием экономических, национальных, природных факторов, но не носящих столь всеобъемлющего характера и не имевших таких выраженных качественных характеристик.

Прежде всего, массовые антитоталитаристские эмиграции являлись результатами крупных социально-политических конфликтов, приводящих к смене не только политических режимов соответствующих стран, но и всей их социальной системы, или даже культурной цивилизационной основы ее развития.

Другой особенностью этого типа эмиграции является сочетание ее массового характера с представительством практически всех социальных групп населения. Эта особенность отличает ее от других массовых эмиграций современности, представленных какой-либо одной дипримированной социальной категорией в виде этнических, конфессиональных, социальных и политических меньшинств. Особенность антитоталитаристской эмиграции состоит в том, что она представляет собой не меньшинства, а именно представительство всего общества соответствующей страны.

Третьей особенностью данного типа эмиграции является то, что в результате ее в новую культурную среду пересаживается фактически другая культура. В результате чего происходит взаимодействие двух

культур, которое может быть как конфликтным, так и бесконфликтным, что можно видеть на примере функционирования русских диаспор в различных регионах проживания.

Ведущей оказывается роль интеллигенции, которая аккумулирует те параметры культуры, по которым эмиграция вступает в противоречие с возникшим тоталитарным режимом (этим объясняется чрезвычайная культурная гомогенность этой эмиграции и высокий уровень ее самоидентификации, определяющийся общими для всех ее представителей негативными ценностями, предложенными тоталитарными режимами).

Еще одной особенностью становится трудность адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения тоталитарного режима и возвращения эмиграции на Родину.

К числу особенностей эмиграций подобного типа принадлежит и характер ее отношения с другими эмигрантскими группами, которые рассматриваются исключительно с точки зрения того, чем они могут способствовать решению ее главной проблемы – возвращения на родину. Оказавшись в антитоталитарной эмиграции, люди не могут вернуться в страну без риска физического уничтожения.

К эмиграциям, соответствующим этой модели, в XX в. можно отнести армянскую эмиграцию, связанную с геноцидом 1911 г., российскую постреволюционную эмиграцию 1917–1939 гг., антинацистскую эмиграцию из Германии после 1933 г., испанскую эмиграцию 1936 г. Российская эмиграция выступает как наиболее соответствующая этой разновидности эмиграции новейшего времени. Она не только соответствует всем характерным признакам идеального типа, но в известном смысле она их сформировала. Это объясняется тем, что российская эмиграция была первым историческим примером такого рода эмиграций в послевоенной Европе.

References

NATALIA BASHMAKOVA, MARJA LEINONEN, "From the History and Life of Russians in Finland", *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki*, no.VII (1990): 12.

Dekret VTSIK, SNK RSFSR ot 15.12.1921 «O lishenii prav grazhdanstva nekotorykh kategorii lits, nakhodiashchikhsia za granitsej», *Sobraniie uzakoneniy i rasporiazheniy RSFSR*, no. 1 (1922), St. 11. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 12/15/1921 «On the Deprivation of the Rights of Citizenship of Certain Categories

of Persons Who are Abroad”, Collection of Laws and Orders of the RSFSR, no. 1 (1922), Art. 11.] GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]

— f. 5764, op. 1. d. 89. l. 4.

— f. 5764, op. 1. d. 89. l. 8.

— f. 5764, op. 1. d. 154. l. 1.

— f. 5775, op. 1. d. 257. l. 116.

M. IOVANOVICH, *Dosel'avan'e russkikh izbeglitsa u Kralevinu SKHS 1919–1924* [Immigration of Russian Refugees to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924] (Belgrad: Stubovi kul'ture, 1996), 225–227.

M. IOVANOVICH, *Russkaia emigratsiia na Balkanakh 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans 1920–1940] (M.: Russkii put', 2005), 141.

V. KABUZAN, *Russkie v mire. Dinamika chislennosti rasseleniia (1717–1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the World: Population Dynamics (1719–1989). The Formation of the Ethnic and Political Boundaries of the Russian People] (SPb.: Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr “BLITS”, 1996), 351.

V. V. НАВОКОВ, *Drugie berega* [Other Shores] (N'iu-lork: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1954), 236.

Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997) [The Population of Russia over 100 Years (1897–1997)] (M.: Goskomstat Rossii, 1998), 222.

MARK RAEFF, *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939* (New York: Oxford, 1990), 239.

Rossia v izgnanii: Sud'by rossiiskikh emigrantov za rubezhom. Sb. statei. [Russia in Exile: The Fates of Russian Emigrants Abroad] (M.: IVN RAN, 1999), 327.

I. V. SABENNIKOVA, *Rossiiskaia emigratsiia (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. 2-e izd.* [Russian Emigration (1917–1939): A Comparative Typological Study. 2nd ed.] (M.-Berlin, Direkt-Media, 2015), 551. <https://doi.org/10.23681/428589>

I. V. SABENNIKOVA, V. L. GENTSHKE, A. S. LOVTSOV, *Arkhivnye materiki Rossiiskogo zarubezh'ia. Tendentsii i napravleniia izucheniiia. Annotirovannyi ukazatel'* [Archival Contents of the Russian Diaspora: Trends and Directions of Study: An Annotated Index] (M.-Berlin: Direkt-Media, 2015), 427. <https://doi.org/10.23681/279329>

M. G. TALALAI, “Russkaia tserkov' vo Florentsii kak “peterburgskii pamiatnik”” [The Russian Church in Florence as a “Petersburg Monument”], *Nevskii arkhiv*, no. 2 (M.-SPb: Atheneum, Feniks, 1995): 447–453.

ROBERT CHADWELL WILLIAMS, *Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941* (New York: Cornell University Press, 1972), 404.